Мужик и Настасья Адовна

Жил мужик с женой, он пошел богу молиться, а жену дома оставил. И приказывает он своей хозяйке: «Если у тебя дом пропадет, пиши ко мне». Она сына родила и то не написала ему письмо. А жиды узнали, что она родила сына. Он подходит к колодезю, и жиденок выскочил, кричит: «Дядюшка! Что дома не знаешь, отдай мне». Он говорит: «Я, говорит, все дома знаю!». — «Нет, говорит, не знаешь: отдай мне». — «Нет, говорит, не дам». А жиденок и не дал ему напиться. Он так и пошел дальше, шел, шел, чоботы истоптал, просфиру изглодал, костыль изломал. Подошел опять к колодцу, хотел напиться. Выскочил жиденок. «Дядюшка, отдай мне, что дома не знаешь!». — «Нет, говорит, не отдам». Так не напился и пошел дальше, шел, шел, чоботы истоптал, просфиру изглодал, костыль изломал. Подошел опять к колодцу, хотел напиться. Опять жиденок выскочил. «Дядюшка, что дома не знаешь, отдай мне!». Тот думал, думал: «Ну, говорит, возьми». Тот и дал ему воды напиться.

Пришел мужичок домой, хозяйка его встречает, и сын вырос большой. Он вдруг заплакал. Она отвечает ему: «Друг мой милый! О чем ты заплакал? Нам дал бог сынка!». Он и говорит: «Нам, говорит, этот сынок не кормилец, не поилец. Я его отдал к жидам». Сын заплакал. «Ну, говорит, батюшка, благослови меня, я пойду!». Он благословил его, он и пошел.

Шел, шел, видит: стоит избушка на веретенных пятках, на куриных лапках, стоит, повертывается. Он говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!». Избушка повернулась, он зашел в избушку. Лежит старуха из угла в угол, одним ухом одета, а другое в головах. Отвечает она: «Что, говорит, русским духом пахнет! Что, говорит, добрый молодец, дело пытаешь или от дела лытаешь? Куда идешь?». — «Не скажу, сперва напой, накорми, потом спрашивай». Она его напоила, накормила, спать положила. Выспался, встал. Она его и спрашивает: «Куда, добрый молодец, идешь?». Он ей отвечает: «Я иду, бабушка, к Аду. Мне, говорит, Ад — троюродный брат». Эта старуха ему и отвечает: «Вот на тебе клубочек, куда этот клубочек покатится, туда и ты ступай!». Он распростился, пошел за клубочком.

Клубочек катился, катился, да к избушке и прикатился. Стоит избушка на курьих лапках, на веретенных пятках, стоит, повертывается. Он говорит:

«Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!». Взошел в избушку. Сидит старуха из угла в угол. «Что, говорит, русским духом пахнет? Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?». — «Дело пытаю!». — «Куда, добрый молодец, идешь?». — «Не скажу, сперва напой, накорми, потом спрашивай». Она его накормила, напоила, спать положила. Встал он. «Куда, добрый молодец, идешь?». — «Я, говорит, иду к Аду. Мне Ад — двоюродный брат!». Она ему дала клубочек: «Куда мой клубочек покатится, туда ты и ступай». Он распростился, пошел за клубочком.

Клубочек катился, катился, опять подкатился к избушке. Стоит избушка на курьих лапках, на веретенных пятках, стоит, повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!». Он взошел в избушку — там старуха. «Что, говорит, русским духом пахнет? Куда, добрый молодец, идешь?». — «Не скажу, сперва напой, накорми, а потом спрашивай». Она напоила, накормила, спать положила. Встал. Она его и спрашивает: «Куда, добрый молодец, идешь?». — «К Аду. Ад — мой родной брат. Как мне, бабушка, подойти?». Она и говорит: «На тебе, говорит, огоньку, на тебе крупиц, на тебе махоточку (род горшка), на тебе ложечку. Сядь ты возле пруду, кашку сиди да поваривай. Прилетят его тридцать три дочери в пруд купаться. Ты подкрадься: у Настасьи Адовной унеси сорочку!». Он распростился и пошел.

Так все и случилось, как старуха сказала. Те дочери улетели, а у Настасьи Адовной он украл сорочку. Она накрылась платочком и подходит к нему. «Здравствуй, добрый молодец!». — «Здравствуй, красная девица!». — «Не видал ли ты, говорит, мою сорочку?». Он ей отвечает: «Она у меня». — «Отдай мне ее!». — «Я, говорит, не отдам: поди за меня замуж». — «Я иду за тебя замуж, приходи к моему батеньке». Он ей отдал сорочку, она и полетела.

Он приходит к ее батеньке. Взошел в сенцы. У него в сенцах колокола висят, а на колоколах мужики висят. Он испугался. «Знать, мне тоже будет!». Однако ударил в большой колокол. Отец их зашумел (закричал): «Кто там?». Отвечает он: «Я твой нареченный зятюшка!». Он к нему выходит, в горницу его к себе ввел, на стул его посадил. Они все тут тридцать три дочери пяльца шьют. Он стал у него спрашивать: «Которую берешь?». Он ту и выбрал, у которой сорочку украл. Они сейчас пошли венчаться. Обвенчались.

Приходят к отцу, он сделал им иную горницу. «Ну, говорит, дети, вы мне в ночь спашите пашню и посейте пшеницу. Вырастет пшеничка, вы ее сожните и обмолотите, измелите и мне пирожок испеките». Зять его и заплакал: «Как это можно в одну ночь?». Она ему отвечает: «Ложися, мой друг милый. Утро мудренее вечера!». Он лег спать, она каши наварила, за окно покидала. «Мыши и крысы, собирайтесь пашню пахать!». Кто пашет, кто пшеницу сеет, кто жнет, кто возит, кто мелет, кто пирог печет. Испекли ему пирожок. Она его и будит: «Вставай, друг мой милый, вот надо тебе пирожок нести!». Он встал да понес.

Приносит к отцу, он ему опять приказывает: «Теперь ты мне в ночь мост построй, бархатом убери, а тафтой убей». Он пришел опять, заплакал. Хозяйка ему и говорит: «О чем ты плачешь?». — «Батюшка приказывает мост сделать, тафтой услать, бархатом убрать». — «Ложись спать! Утро вечера мудренее». Он лег спать; она опять каши наварила, за окно покидала: «Мыши, крысы, собирайтесь мост делать!». Тотчас кто лес рубить, кто столбы становить, кто устилает, кто убирает. Она его будит: «Ну, друг мой милый, вставай, пора батюшке идти сказывать».

Он пошел, сказал. Отец и говорит: «Любезный мой зятюшка! Сделайте мне в ночь церковь, мне к обедне ехать». Пришел ее хозяин (муж), опять заплакал. Она и говорит: «Что ты плачешь!». — «Как же мне не плакать? Батюшка приказал в ночь церкву построить!». И она заплакала. Мыши не влезут и крысы не влезут: как же они станут ее работать. Они поставили самовар, чаю напилися, обернулися голубчиками и полетели.

Летели, летели. Она ему и говорит: «Друг мой милый, Иван-царевич! Прислонись к земле: не гонится ли за нами батюшка родимый?». Он опустился к земле, говорит: «Близко!». Он обернулся пастухом, а жена его обернулась скотиной. Вот отец подходит к зятю, не узнает его, говорит: «Здравствуй! Не видал ли тут, говорит, двое пробежали?». — «Я, говорит, не вижу, как вороны летают». Отец и мать уехали дальше. Они опять обернулись голубочками и полетели...

Летели, летели, она ему и сказывает: «Друг мой милый! Опустись к земле: не гонится ли за нами батюшка родимый?». Он опустился к земле, говорит: «Близко!». Он обернулся прудом, она уточкой. подъехали, хотят эту утку поймать, она все ныряет. Мать догадалась: «Это моя дочь». Взяла перстень, швырнула (бросила) его в воду. «Как этот перстень пропадет, так и ты пропадешь!». И уехала мать-то. Эта дочь нырнула, перстень подняла и на ручку надела.

«Что ж нам с тобою делать? Давай состроим хоромы и будем жить». Они жили, жили, он соскучился. «Я пойду, говорит, к своему отцу, матери побывать». Она ему отвечает: «Ступай, мой друг милый! Со всеми поздоровайся, только с большой снохой не здоровайся!».

Он приходит домой, со всеми поздоровался, только с большой снохой не поздоровался. Думает: «Что же я с большой-то снохой не поздоровался?». Взял да и поздоровался. Как поздоровался, так и забыл про свою хозяйку (жену). Она без него три года жила одна. А он на другой жене женится. Старуха шла да к ней и зашла. «Ты, милая тетенька, не знаешь, что твой хозяин женится!». Они приходят к нему; он уж женился, сидит за столом, чай пьет. Новая жена-то сахару кусок уронила, старая-то кусок подняла и подала. Он по перстню, что в пруд был брошен, и узнал. Он эту жену бросил, а с старой опять стал жить.

(Село Жолчино Рязанского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.